

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ЛИЧНОСТЬ

В КАЛЕЙДОСКОПЕ КУЛЬТУР

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2019

УДК 39
ББК 63.5
Л66

Руководитель проекта — д. и. н., проф. *Н. Л. Жуковская*
Ответственный редактор — *Н. Л. Жуковская*
Рецензент — к. и. н. *Е. П. Батьянова*

Л66 Личность в калейдоскопе культур: Коллективная монография / под. общ. ред. Н. Л. Жуковской. — М.; СПб. : Нестор-История, 2019. — 416 с., ил.

ISBN 978-5-4469-1467-8

В монографии представлены результаты работы коллектива авторов, посвященные месту и роли личности в культуре народов Зарубежной Азии и азиатской части РФ, Австралии, постсоветских республиках Средней Азии. Есть главы по теории личности в психологии и философии в европейской и американской науке, а также в советской науке «эпохи развитого социализма».

**УДК 39
ББК 63.5**

ISBN 978-5-4469-1467-8

© ФГБУН ИЭА РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019
© Издательство «Нестор-История», 2019

ВВЕДЕНИЕ

М. В. Тендрякова

«Культура и личность» — одна из самых необъятных тем, в работах философов и религиоведов, историков и антропологов, психологов и педагогов она предстает в бесконечно разнообразных ракурсах, будь то соотношение категорий частного и общего, социального и индивидуального, природного и культурного.

Предпринятое участниками нашего проекта исследование соединяет под одной обложкой предельно широкий спектр вопросов, касающихся проблемы личности в историко-культурной перспективе: от архаичных трактовок человека времен династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) или соотношения индивидуального поведения, личностных качеств и традиционных культурных норм в обществе аборигенов Австралии до идеологически заданных образов «советского человека», постоянно меняющихся в зависимости от социально-политической конъюнктуры (С. С. Алымов, ч. 1, гл. 4); от case studies до описания общей соционормативной системы, в которой формируется и реализуется жизненный путь личности; от портретов выдающихся исторических лиц — до представлений социотипичного набора личностных черт и поведенческих стереотипов тех или иных народов. Разноплановые постановки вопроса о личности и разнообразии этнографической фактуры объединяются общим посылом — личность неизменно рассматривается через призму этнокультурного контекста, как воплощение определенной системы нормативов, ценностей, стереотипов и идеальных образов своего социума. Исследование личности не заглубляется в психологические недра и не сводится к набору черт, а следует известной формуле «человек — это мир человека». Средоточием исследовательских интересов становится не отдельный человек, а система взаимодействия «человек — общество» со всеми перипетиями и трансформационными процессами, которые разворачиваются и в глобальной истории, и потрясают повседневность, и неизбежно налагают свой отпечаток на жизненный путь личности.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. развернулась широкая дискуссия на тему «Индивидуальность и личность в истории». Участники дискуссии, признавая возможное разнообразие личностей в свете «исторической типологии культур», все же за исходные характеристики личности брали такие качества, как «самосознание», «сознательное самостоянье», «рефлексивность», «активность» и поступки, «нетривиальные» и «не следующие по пути наименьшего сопротивления». Именно эти черты личности высматривали на просторах иных культур и исторических эпох (подробнее см.: «Одиссей» 1990: 6–89)¹. Но всегда ли можно говорить, например,

об активности как обязательном атрибуте «настоящей» личности, если одним из главных ценностных приоритетов общества, где существует эта личность, выступает сохранение status quo, воплощающееся в поговорке: «Куда упадет камень, там и должен лежать» (цит. по: Наумова, ч. 2, гл. 6).

Не возвращаясь к той давней дискуссии, заметим, что за прошедшие годы тема личности в различных историко-культурных контекстах получила широкое развитие.

В классических теориях личности конца XIX — XX в. царила универсальная личность как некий обобщенный образ (столь же условная, как и «идеальный газ» в физике). В конце XX в. с универсальности акцент был перенесен на этно- и историко-культурные особенности личности. Свою роль в этом сыграли многие факторы. Разнообразные психологические кросс-культурные исследования мышления, восприятия, локуса контроля и особенностей поведения показали, что представители разных народов по-разному понимают причинно-следственные связи, царящие в мире, решают задачи, запоминают и интерпретируют зрительные образы, руководствуются разными ценностями, выстраивая свои отношения с окружающими². Исследования по истории ментальности провозгласили и утвердили в гуманитарном знании «презумпцию инаковости» и отказ от «прогрессистского» высокомерия» (выражения А.Я. Гуревича), когда речь идет о человеке иных исторических эпох: невозможно «обезличивать» человека прошлого на том только основании, что он иначе видел свое место и предназначение в мире и что мотивы его поведения далеки от наших. При этом события прошлого невозможно понять, не беря в расчет и не делая поправку на эту историко-культурную изменчивость психологии личности. Интенсивные миграционные процессы на протяжении всего XX в. и межкультурные контакты дали богатый опыт, «сын ошибок трудных», показавший, что методы лечения и обучения, равно как и многие теоретические парадигмы психологии личности, казавшиеся универсальными, таковыми отнюдь не являются. Их адекватность во многом зависит не только от индивидуального склада личности, но и от культурного контекста, в котором происходила социализация индивида, от общей картины мира, идеалов и ценностных ориентиров, которые «прорастают» во внутренний мир личности.

В научном дискурсе утвердились индигенные подходы к пониманию личности: быть личностью вовсе не означает следовать европейскому стереотипу, можно быть личностью иначе, чтобы понять личность, надо обратиться к уникальному историко-культурному опыту, нормам, ценностям и категориям данной конкретной культуры (об индигенных теориях личности см.: Тендрякова, ч. 1, гл. 1).

Стоило отказаться от привычных европейских «стандартов» личности, связанных с индивидуализмом и сознательностью, как на первый план в ка-

честве главных характеристик / атрибутов в других культурах выступили совсем иные концепты и качества, определяющие человека. Именно они оказываются для других народов важными, с ними ассоциируются представления о «хорошем» или «плохом» человеке, об отношениях личности и общества, о соотношении того, что мы называем проявлениями индивидуальности и социотипического. Такого рода категориям, описывающим человека в контексте его родной культуры, посвящены главы этой книги, написанные В. Н. Шинкаревым и А. А. Закурдаевым.

Представления о личности у народов хани и акха (входят в лоло-бирманскую группу сино-тибетской языковой семьи) во многом базируются на концепте «гыланг» («гыло»). «Гыланг» условно переводится как «сила» или «энергия», при этом концепт «гыланг» вбирает в себя и отношения с предками, так как именно они ниспосылают его как «счастливый дар», и представление об избранности, и главное, он предполагает целый набор перспектив, которые открываются человеку, — плодородие, успех, здоровье, благоденствие. Это своего рода «мерило» масштаба и качества личности для хани и акха (см.: Шинкарев, ч. 1, гл. 2).

А. А. Закурдаев (ч. 1, гл. 3) рассматривает основные концепты, веками (если не тысячелетиями) китайской истории выработанные для описания китайской личности с ее «пятью постоянствами», диалектикой *инь* и *ян*, диалектикой понятий «сяово» (маленькое я) и «даво» («коллектив» или буквально «большое я»), а также сложной системой представлений об истоках, в которых черпается духовное совершенство и гармония жизни настоящего гражданина.

В главе 5 второй части книги, написанной О. Ю. Артемовой по этнографическим источникам, собран богатый материал, позволяющий заглянуть во внутреннюю жизнь аборигенов Австралии, представить мотивы их поступков, их любовь, гнев, месть, угрызания совести, веру в колдовство — и все то, что составляло внутреннюю жизнь личности аборигенов, когда их контакт с европейской культурой только начинался. В главе 6 той же части, написанной тем же автором, представлен уникальный опыт полевой работы среди современных аборигенов. Это увлекательный рассказ о людях с в некотором смысле реликтовой ментальностью охотников-собирателей. Они живут в своем мире, «параллельном» миру «белых» австралийцев. Они знакомы с благами цивилизации, пользуются мобильным телефоном, покупают еду в магазине, с удовольствием слушают музыку на аудионосителях, водят машину, но не стремятся ничем владеть, их собственность сводится к тому, что на них надето. Традиционные нормы взаимопомощи требуют делиться с родней всем, что есть у тебя, — «demand sharing», быть мобильными и свободными. Постоянная работа, накопительные счета, планирование времени — все это из мира «белых». Описание жителей поселения Аурукун

с их системой приоритетов и выбором жизненной стратегии у О. Ю. Артемовой становится *апологией права быть другим*. Многочисленные портреты аборигенов и зарисовки из их повседневности сочетаются с отсылками к новейшим изысканиям археологов и этнографов в различных частях света, все это вместе складывается в развернутую и аргументированную картину альтернативной цивилизации охотников-собирателей, которая самостоятельно существовала в течение многих тысяч лет и совсем недавно отступила под натиском нашей цивилизации, индустриальной, технократической и, главное, исповедующей совсем иные ценности и нормы жизни.

Исследование нормативной системы охотников-собирателей, их «моральной экономики», которая выше всего ставила взаимопомощь сородичам, подвело автора к глобальным, краеугольным вопросам всей истории человечества: почему одни охотники-собиратели стали земледельцами и перешли от мобильности к оседлости, а другие, как те же аборигены, — нет? О. Ю. Артемова ставит вопрос об «эволюционных выборах, сделанных конкретными обществами в конкретные периоды истории» и предлагает искать ответ не только в экологии, климате и излишках продукта, но и в «особенностях социальных отношений, нормативных систем и социально-психологического климата тех обществ, которые впервые стали земледельческими».

Еще одной темой нашей монографии выступает тема стратегий поведения личности в меняющемся мире, где новые реалии не только соседствуют с традициями, но и меняют их: *современная* традиция уже не та, что существовала в этнографическом прошлом» (Наумова, ч. 2, гл. 10). Смысл традиционных элементов и институтов культуры меняется со временем. Как это произошло с похищениями невест у казахов и кыргызов, которые из почти ушедшего из жизни маргинального явления вдруг на рубеже XX–XXI вв. начали восприниматься как обычай, «освященный дедами и отцами». Или как знаковый элемент традиционной женской гендерной роли алтайцев — чегедек: в 1920-е гг. эту тяжелую и неудобную одежду сжигали, это было символом равноправия и раскрепощения женщин, а в конце 1980-х — начале 1990-х гг. «чегедек стал одним из символов этнокультурного возрождения алтайцев. Его стали специально шить к свадьбе и <...> носить как праздничную одежду» (Тюхтенева, ч. 2, гл. 9). Меняется отношение к традиции, меняются условия ее бытования — из символов «проклятого прошлого» она может стать знаком национального возрождения, инструментом построения уникальной идентичности. В соответствии с новыми реалиями жизни и «обновленными» традициями выстраиваются новые стратегии поведения людей, которые, следуя известному образу, идут в будущее с лицом, повернутым в прошлое. Традициями в их современной интерпретации они оправдывают свои действия и ими же руководствуются в ситуации межкультурного взаимодействия, отчасти мифологизируя их,

а отчасти стремясь представить их как «вечные ценности» (об этом пишут в нашей книге О. И. Брусина, Н. Л. Жуковская, О. Б. Наумова, С. П. Тюхтева — ч. 2, гл. 7–10).

В главе 7 второй части книги, написанной Н. Л. Жуковской, также особо ярко предстает тема роли личности в сохранении культурного наследия и поддержании традиции. Рассказы о буддийских духовных Учителях и Наставниках XX в. — Агване Доржиеве (1854–1938) и Бидии Дандароне (1913–1974), которым пришлось пройти через репрессии, легендарном Даши-Доржо Итигэлова / Этигэлове (1852–1927), оставившем нам неразрешимую загадку своего «нетленного тела», ламе Данзан-Хайбзун (в миру Федоре Самаеве) (1954–2005) — являют собою самые веские и живые аргументы против того, что восточные религии и в частности буддизм «обезличивают» и нивелируют человеческое Я. В любой культуре личности под силу оставить свой след, жить и действовать вопреки течению глобальной истории.

В этом проявляется историко-эволюционный смысл существования личности как индивидуальности: нестандартные поступки и деяния становятся ее «вкладом» в саму социокультурную систему, выступают как источник инноваций и в конечном счете способны изменить культуру, социальные отношения, систему ценностей (см. А. Г. Асмолов «Основные положения историко-эволюционного подхода к пониманию индивидуальности личности»)³.

* * *

Каждая культура исторически вырабатывает свою систему концептов и дескрипторов, описывающих человека, и тем самым задает свое содержание и понимание личности, даже если в ней нет прямого термина, который переводился бы как «личность = personality» в нашем значении этого слова. Каждая культура и каждое общество предполагают свои сценарии «как быть личностью здесь и сейчас», вырабатывают свою систему оценок «хорошего» и «плохого» человека, свои представления о «герое» и «изгое», равно как и понятия добра и зла, правильного и неправильного поведения, нормы и ее нарушения. Нет сколько-нибудь универсального «мерила» личности.

Тем не менее суть процесса социализации и становления личности едина во все времена. Социокультурная среда задает основные координаты жизни человека, предоставляет ему багаж знаний и опыта, накопленного поколениями. Но человек выступает не только как носитель своей культуры. Вычерчивая свой уникальный жизненный путь, решая, как поступать в той или иной ситуации, эмоционально переживая происходящее, совершая поступки и делая открытия, личность проявляется как индивидуальность.

Поступая *не так, как все*, человек рискует навлечь на себя гнев и гонения со стороны существующей нормативной системы или же, напротив, заслужить всеобщее признание и благодарность. В любом обществе действует формула: «Индивидом рождаются. Личностью становятся. Индивидуальность отстаивают»⁴.

Примечания

¹ См. Индивидуальность и личность в истории (дискуссия) // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука. 1990. С. 6–89.

² См. подробнее: *Берри Дж. В., Пуртинга Айп Х., Сигалл М. Х., Дасен П. Р.* Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков: Гуманитарный центр, 2007; *Коул М.* Культурно-историческая психология. М., 1997.

³ *Асмолов А. Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.; Воронеж, 1996. С. 450–465.

⁴ Там же. С. 430.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОНЦЕПЦИИ И КОНЦЕПТЫ

ГЛАВА 1

Понятие Self в индигенных теориях личности: новые подходы и извечные проблемы

М. В. Тендрякова

«Проблема человеческого “я” принадлежит к числу ускользающих от научно-психологического анализа. Доступ к ней закрывают многие ложные представления, сложившиеся в психологии...»

А. Н. Леонтьев

В пору становления психологии как самостоятельной научной дисциплины в начале XX в. Л. С. Выготский показал, что психология далека от того, чтобы быть единой наукой, напротив, есть/было «множество психологий», «даже не борьба течений или направлений внутри одной науки, а борьба разных наук... борются различные, взаимно исключающие друг друга реальные типы науки. Психоанализ, интенциональная психология, рефлексология» или по меньшей мере «естественнонаучная, материалистическая и спиритуалистическая» [Выготский 1982: 374, 375, 381]. Каждая такая психология, ставя в центр своих штудий отдельного человека, делала предметом исследований то душу, то сознание и его элементы, то элементарные ощущения, то целостные гештальты восприятия, то стимулы и реакции. На этом пути были свои открытия и прозрения, только никак не получалось вновь собрать целостного человека из совокупности экспериментальных данных и интроспективных отчетов об элементарных переживаниях и ассоциациях идей. Одним из первых против такого препарирования живой целостности восстал сам отец экспериментальной психологии В. Вундт: духовную жизнь человека невозможно понять лабораторными методами, необходимо выйти за пределы индивидуального опыта и обратиться к данным этнографии, фольклористики, лингвистики [Коул 1997: 41–51]. Первый такой опыт В. Вундт представил в своей 10-томной «Психологии народов».

В XX в. предметом психологии стал не изолированный индивид, а *человек-в-культуре-в-системе-социальных-связей*. Такой подход разрабатывался в культурно-исторической психологии Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии. Отправной точкой понимания психологии человека становятся формула «человек — это мир человека», категории «деятельности» и «образа жизни» [Асмолов 1990: 88–92, 257–264]. Параллельно культурно-исторической психологии на стыке этнологии, социологии и психологии складывалось новое направление кросс-культурных исследований, которое основной своей целью ставило исследование моделей поведения человека и систем социализации в контексте разных культур [Берри, Пуртинга и др. 2007].

И вот создаваемая в течение века академическая и прикладная психология, «помещающая культуру в центр» (М. Коул), в 1990-е гг. вновь распадается на множество отдельных психологий. Только теперь линии разлома проходят не по отдельному человеку, разделяемому на отдельные психологические функции, а по культурному многообразию человечества. На исходе XX в. появляются и громко заявляют о себе *индигенные психологии* (от англ. «indigenous» — коренной, местный, туземный).

Индигенный подход к психологии человека ставит в центр культуру, причем не культуру вообще, а культуру в ее специфическом этнографическом проявлении. Акцент делается на уникальности историко-культурного опыта, который оборачивается уникальными же психологическими реалиями, складывающимися в портрет индигенной личности как продукта ее родной культуры.

Лакуна между универсальными принципами и кросс-культурными эмпирическими данными

Всем направлениям психологии второй половины XIX — XX в. была присуща установка, что люди в разных культурах и исторических эпохах мыслят сходным образом, руководствуются одними и теми же мотивами, обладают приблизительно одинаковыми свойствами и чертами личности. Это позволило Фрейдю прочерчивать единую линию развития от первобытного дикаря до современного невротика: на того и другого давит пресс культуры, будь то табу или нормы светского общества. Давление социальных запретов и обуздание человеческой природы во все времена порождает сходный круг душевных явлений (амбивалентность чувств, вытеснение, перенос, эдипов комплекс) и аналогичные по своей функции социальные институты. Следуя той же универсалистской логике, К. Хорни представлял

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
---------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОНЦЕПЦИИ И КОНЦЕПТЫ

ГЛАВА 1. Понятие Self в индигенных теориях личности: новые подходы и извечные проблемы (М. В. Тендрякова).....	9
ГЛАВА 2. Концепт «гыланг» и представления о личности у хани и акха (В. Н. Шинкарев).....	30
ГЛАВА 3. Диалектическое представление китаяца о себе как личности (А. А. Закурдаев).....	61
ГЛАВА 4. «Советский человек» в социальной мысли 1960–1980-х годов: от социалистической личности к Homo soveticus (С. С. Алымов).....	86

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЭТНОЛОГИЯ В ЛИЦАХ

ГЛАВА 5. Унесенные Сновидениями: лики минувшего, или опыт исторической этнологии в лицах (О. Ю. Артемова).....	111
ГЛАВА 6. Этос охотника и плоды просвещения: личность и социум на рубеже культур (О. Ю. Артемова).....	165
ГЛАВА 7. Монгольский мир: личность в контексте истории и традиции (Н. Л. Жуковская).....	222

ГЛАВА 8.

**Туркмены Юга России: личность в системе родственных
и этнических отношений (О.И. Брусина)266**

ГЛАВА 9.

**Женщина и мужчина в традиционной и современной культуре
алтайцев (С.П. Тюхтенева)315**

ГЛАВА 10.

**Похищение невесты: традиция, личность, поведение
(современный Кыргызстан) (О.Б. Наумова)367**

Заключение402

Annotation405

Научное издание

Личность в калейдоскопе культур

Коллективная монография

Под общ. редакцией *Н. Л. Жуковской*

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *М. А. Гунькин*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 05.06.2019. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 33,31
Тираж 300 экз. Заказ № 1417

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86